

Мякотин Венедикт Александрович

**А. С. Пушкин и
декабристы**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
В29

В29 **Венедикт Александрович М.**
А. С. Пушкин и декабристы / Мякотин Венедикт Александрович – М.: Книга
по Требованию, 2026. – 88 с.

ISBN 978-5-519-98420-1

ISBN 978-5-519-98420-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Первые связи с обществом, первое знакомство с волновавшими его идеями были заключены Пушкиным еще на школьной скамье. Уже поступая в лицей, двенадцати-летним мальчиком, он выдавался среди своих товарищей не только способностями, но и знаниями. «Все мы видели — писал впоследствии Пущин, припоминая обстоятельства своего поступления в лицей, — что Пушкин нас опередил, многое прочел, о чем мы и не слышали, все, что читал, помнил; но достоинство его состояло в том, что он отнюдь не думал выказываться и важничать, как это очень часто бывает в те годы со скороспелками, которые по каким-либо особенным обстоятельствам и раньше и легче находят случай чему-нибудь выучиться»¹⁾. Между тем школьные годы Пушкина проходили в такой обстановке, которая могла бы способствовать быстрому росту и не столь выдающегося ума. Нашествие Наполеона, гром войны 12-го года с ее поражениями и победами, позднее поход русских войск за границу, закончившийся взятием Пари-

¹⁾ Л. Майков: Пушкин. Биографические материалы и историко-литературные очерки. СПб. 1899, с. 45.

жа — все эти события, из ряду вон выходившие, влияли на воображение, развивали ум и чувство современников, даже тех, которые еще сидели на скамьях средней школы. Лицей в этом отношении находился, быть может, в особенно благоприятных условиях. Среди учебных заведений столицы он занимал особое место, не всегда даже понятное для окружающих. Пущин в своих записках сохранил забавный рассказ о том, как определял это место лицея гр. Милорадович. В 1817 г., — рассказывает он, — когда после выпуска мы шестеро, назначенные в гвардию, были в лицейских мундирах на параде гвардейского корпуса, под'езжает к нам гр. Милорадович, тогдашний корпусный командир, с вопросом: что мы за люди, и какой это мундир? Услышав наш ответ, он несколько задумался и потом очень важно сказал окружающим его: «Да, это не то, что университет; не то, что кадетский корпус, не гимназия, не семинария — это . . . лицей». Поклонился, повернул лошадь и ускакал» ¹⁾. На первых порах своего существования лицей смущал и ставил втупик не одного гр. Милорадовича, хотя не все, может статься, умели так победоносно выйти из затруднения, как этот храбрый генерал. Соединяя в себе среднюю и высшую школу, порядки закрытого учебного заведения с широкой свободой воспитанников внутри лицейских стен и с отсутствием телесных наказаний, лицей отличался от других учеб-

¹⁾ Там-же, 43—4.

ных заведений и своей разносторонней и по тому времени весьма целесообразной программой. Если эта программа и не осуществлялась целиком, если преподаватели, среди которых были и видные ученые, как Куницын и Галич, подчас не очень тщательно относились к своим обязанностям, то, с другой стороны, они не проявляли чрезмерного педантизма в своих отношениях к ученикам и, умея порой глядеть сквозь пальцы на молодые проказы, умели и сближаться с юными «студентами», пробуждая в них стремление к развитию. Такое сближение началось с событий 12-го года. «Эти события сильно отразились на нашем детстве, — вспоминал впоследствии Пуцин. — Началось с того, что мы провожали все гвардейские полки, потому что они проходили мимо самого лицея; мы всегда были тут, при их появлении выходили даже во время классов, напутствовали воинов сердечною молитвою, обнимались с родными и знакомыми; усаые гренaдeры из рядов благословляли нас крестом. Не одна слеза тут пролита». Проводами гвардии не ограничилось участие лицеистов к войне. «Когда начались военные действия, — продолжает тот-же свидетель, — всякое воскресенье кто нибудь из родных привозил реляции; Кошанский читал их нам громогласно в зале. Газетная комната никогда не была пуста в часы, свободные от классов; читались наперерыв русские и иностранные журналы при неумолкаемых толках и прениях; всему живо сочувствовалось у нас: опасения сменялись восторгом при малей-

шем проблеске к лучшему. Профессора приходили к нам и научали нас следить за ходом дел и событий, объясняя иное, нам недоступное»¹⁾).

При таких-то условиях началась школьная жизнь Пушкина. В связи с ними «неволя мирная», «шесть лет соединенья» сделали свое дело, и лицеисты первого выпуска тесно сплотились между собою. Ближе других к Пушкину стояли «ветреный мудрец» — Пущин, Дельвиг и нескладный, неуклюжий, но глубоко чувствовавший поэзию и способный к благородным увлечениям идеалист Кюхельбекер, «брат Кюхля», как любил называть его Пушкин. Не порвалось с течением времени и завязавшееся обличение с профессорами, по крайней мере с лучшими из них. Галич заслужил благодарную память первых лицеистов едва-ли одним лишь участием в их пирушках, тем более, что самые эти пирушки принимали широкие размеры, повидимому, исключительно в поэтическом воображении Пушкина. Еще более важно было общение с Куницыным, этим видным ученым и убежденным либералом. Правда, по некоторым рассказам, его преподавание в лицее ограничивалось заучиванием со стороны лицеистов профессорских тетрадок, но, как бы то ни было, он сумел приобрести влияние на своих учеников. Спустя восемь лет по выходе из лицея, Пушкин не усумнился в теплых словах признать благотворность этого влияния: «он создал нас, он воспитал

¹⁾ Там-же, 53—4, 54.

наш пламень, — поставлен им краеугольный камень, — им чистая лампада возжжена». Вместе с тем, благодаря сравнительной свободе лицейстов, у них легко завязывались сношения и вне стен самого лицея, и для Пушкина они скоро приобрели более значения, чем дружба товарищей и влияние преподавателей. В то время, как рано сказавшийся талант быстро выдвинул его из ряда сверстников и дал ему возможность войти в качестве равного в круг поэтов и литераторов Арзамаса; соседство лицея с квартировавшим в Царском Селе лейб-гусарским полком ввело Пушкина и его товарищей в среду гвардейской молодежи.

Влияние на Пушкина этой среды нередко изображалось почти исключительно темными красками, равно как во влиянии Арзамаса подчеркивались по преимуществу — и едва-ли правильно — лишь светлые его стороны. Между тем нет сомнения, что военные кружки этой эпохи могли научить входившего в них юношу не одному лишь разгулу. Офицерское общество данной поры было богато особенностями, в таком размере не свойственными ему ни раньше, ни позже. Патриотический порыв двенадцатого года бросил в ряды войска не малое количество дворянской образованной молодежи и приподнял настроение тех, которые уже ранее стояли в этих рядах. Этот порыв не мог разрешиться одним шовинистическим увлечением громом отечественного оружия. Для этого обстоятельства были слишком сложны, сцена, на которой приходилось действовать, слиш-

ком громадна и полна неожиданностей. Перед глазами владельцев крепостных душ, владельцев, более или менее наивно уверенных в полном бессмыслии и равнодушии массы, в ее лице внезапно выступил на историческую арену народ, самостоятельно поднявшийся на защиту родины от нашествия врага, для возбуждения своего патриотизма не нуждавшийся ни в синодских увещаниях,¹⁾ ни в статьях специально для этой цели выписанного из Германии публициста Арндта, ни в Ростопчинских афишках. Когда затем народная война поглотила силы Наполеона и, гордые своим подвигом, русские войска двинулись освобождать другие страны, в Европе, где реакция едва только начинала приподнимать свою голову под шум сружия союзников, «освободителям» пришлось пережить ряд очень сложных впечатлений. Жизнь учит скорее книг и теоретических размышлений. Неудивительно поэтому, что благодаря впечатлениям, полученным от непосредственного знакомства с европейской жизнью, идеи, еще недавно бывшие в России достоянием только единичных личностей и робко высказывавшиеся немногими мечтателями в литературе, были теперь усвоены

¹⁾ Как известно, во время предыдущей войны с Францией Синод разослал по церквам объявление, в котором Наполеон назывался лже-Мессией, поклоняющимся языческим богам и стремящимся восстановить еврейский синедрион, — см. Шильдер, Император Александр I, его жизнь и царствование, СПб. 1897, т. II, сс. 156 и 352—8. Весьма возможно, что это объявление не осталось без влияния на отождествление в народе Наполеона с антихристом.

целыми кружками офицеров и вместе с последними возвратились в петербургские и московские казармы. На долю русских войск в Европе выпала крупная и блестящая роль и самый этот блеск невольно будил мысль и делал ее особенно чуткой к голосу совести. «Пребывание целый год в Германии и потом несколько месяцев в Париже не могло,—говорит один из офицеров этой поры,—не изменить воззрения хоть скольконибудь мыслящей русской молодежи; при такой огромной обстановке каждый из нас скольконибудь вырос». ¹⁾ Участники мировых событий, русские люди за границей отвыкли от тесных рамок серой родной действительности и с трудом снова входили в них. Об этом у нас сохранились недвусмысленные свидетельства и таких лиц, которых мудрено в данном случае заподозрить в пристрастии к описываемым ими фактам. «Не только офицеры, — читаем мы в записках Греча, — но и нижние чины гвардии набрались заморского духа; они чувствовали и видели свое превосходство пред иностранными войсками, видели, что те войска, при меньшем образовании, пользуются большими льготами, большим уважением, имеют голос в обществе. Это не могло не возбудить вначале просто их соревнования и желания стать наравне с побежденными»²⁾). Правильно передавая общий характер данного явления,

¹⁾ Записки И. Д. Якушкина, с. 3.

²⁾ Н. И. Греч, Записки о моей жизни. СПб. 1886, с. 325.

наблюдатель, слова которого мы привели, уменьшает, вероятно бессознательно, его значение. Дело было, конечно, не в одной противоположности между правами армий. Контраст, поражавший воображение познакомившейся с заграничной жизнью молодежи, был более глубок; это был контраст европейской роли России с внутренним ее бытом, особенно хорошо уяснявшимся из сравнения с бытом только что освобожденной ею Европы, контраст великих сил, обнаруженных народом, с тем жалким положением, в котором он находился. Сознание этого контраста нарастало постепенно, но с особенною силой оно должно было проявиться при возврате армии на родину, когда ее вновь окружили забытые было условия. По возвращении в 14-м году из Франции, — рассказывает один из современников, — «первая гвардейская дивизия была высажена у Ораниенбаума и слушала благодарственный молебен, который служил обер-священник Державин. Во время молебствия полиция нещадно била народ, пытавшийся приблизиться к выстроенному войску. Это произвело на нас первое неблагоприятное впечатление по возвращении в отечество»... За ним не замедлили последовать и другие: «В 14-м году, по словам того же лица, существование молодежи в Петербурге было томительно. В продолжение двух лет мы имели перед глазами великие события, решавшие судьбы народов, и некоторым образом участвовали в них; теперь было невыносимо смотреть на пустую петербургскую жизнь и

слушать болтовню стариков, выхваляющих все старое и отрицающих всякое движение вперед. Мы ушли от них на 100 лет вперед»¹).

На первых порах однако все роковое значение этого скачка не было ясно даже людям, сделавшим его. Недостатки, оказавшиеся в русской действительности, казалось, требовали лишь выяснения и затем исправление их становилось уже вопросом недолгого времени. В гвардейских казармах Петербурга шли между офицерами оживленные беседы на эту тему. «В беседах наших обыкновенно разговор был о положении России. Тут разбирались главные язвы нашего отечества: закоснелость народа, крепостное состояние, жестокое обращение с солдатами, которых служба в течение 25 лет почти была каторгой, повсеместное лихоимство, грабительство и, наконец, явное неуважение к человеку вообще». От бесед, начатых в своей товарищеской среде, естественно было перейти к дальнейшей пропаганде выработанных взглядов, и эта пропаганда была поведена тем с большим жаром, что для большинства людей, повернувших на новый путь, косность общественной среды представлялась пока единственным препятствием к осуществлению их взглядов в жизни. Эта косность и в самом деле сильно давала о себе знать. «На каждом шагу встречались Скалозубы не только в армии, но и в гвардии, для которых было непонятно, чтобы из русского человека воз-

¹) Записки Якушкина, сс. 3—4, 5.

можно выправить годного солдата, не изломав на его спине несколько возов палок. Все почти помещики смотрели на крестьян своих, как на собственность, вполне им принадлежащую, и на крепостное состояние, как на священную старину, до которой нельзя было коснуться без потрясения самой основы государства. По их мнению, Россия держалась одним только благородным сословием, а с уничтожением крепостного состояния уничтожалось и самое дворянство. По мнению тех же староверов, ничего не могло быть пагубнее, как приступить к образованию народа. Вообще свобода мыслей тогдашней молодежи пугала всех, но эта молодежь везде высказывала смело слово истины»¹⁾.

Чувство приподнятого патриотизма, обращенного, однако, не на внешнюю славу отечества, а на уврачевание его внутренних зол, резкая критика темных сторон существующего порядка, исходившая из понятий о человеческом достоинстве, и либеральные взгляды в политических вопросах составляли, таким образом, характерные особенности, по крайней мере некоторых военных и, в частности, гвардейских кружков после 1814 года. Существует любопытное указание, что эти особенности — не без прямого влияния непосредственных сношений с офицерскими кружками — были быстро усвоены и лицейской средой данной поры. Такое указание представляет собою донос, не-

¹⁾ Там-же, сс. 8—10, 24—5.